

О чудесных устройствах в Пратолино (1578)

Глава III Заключительная часть

Девятнадцатое: над... ванной (возвращаясь к дворцу) устроен фонтан с восемью статуями из терракоты. Здесь Юнона на радуге, а Ирида в виде женщины, которая изливает воду из сосцов. Из этих восьми статуй часть представляет различные добродетели, часть Флоренцию. Все это я понимаю как изображение людей сердечных и блаженных вследствие их добродетелей, благодаря которым наш царственный город Флоренция стал обильнейшим фонтаном, или можно сказать, что это творческие добродетели, которые есть полезные и достойные части тела человеческого, или действующие в нем подобно правителям, воинам, священникам и так далее; или, ради высоты рассуждения, как об историях, созданиях и сочинениях, в которых проявили себя многие и многие знаменитые флорентийцы, и, как я скажу в другом месте, не менее ради истины, нежели для высших похвал этому городу, который является сегодня цветущим Римом благодаря обилию великолепных зданий и разума многих учителей искусства, и людей, редких по своей учености и воинской доблести.

Двадцатое: над сказанным фонтаном, на обратном пути ко дворцу, расположена величайшая клетка ста локтей длиной, пятьдесят шириной, вся из железных ажурных бастиев (*tutta di cavalietti in aria di ferro*), в коей лавры, плющ и другие растения, с фонтаном у входа и множеством видов птиц. Это изображение того, какими были бы люди, если бы они управляли собой вполне и для полного своего блага в согласии с собственной добродетелью и призванием, в то время как они находятся в этой большой клетке вселенной, Богом произведенной и огражденной, как самой крепкой железной сетью, небесными телами. С другой стороны, есть сходство в лаврах и других вечнозеленых растениях с великолепнейшими поэтами, философами, художниками, скульпторами, священниками и другими людьми иных занятий; другие были бы схожи по делам их благотворения с самыми плодоносными растениями; и все они, в образе различных птиц, делами добродетели словно бы производят музыкальные звуки и напевы в знак благодарности. Напротив, люди, от которых нет никакой пользы

в этом мире, ибо они праздны, и те, которые ни для кого не желают себя утруждать, сходны с растениями бесплодными и лесными. Те же, кто сверх этого приносит вред другим, отнимая чужое, подобны коршунам, гарпиям и другим хищным животным. И если кто делает с другими хитрости и обманы, похож он на гниль злаковую; если с силой телесной, то сходен со львом. И когда Пифагор (один из семи мудрецов Греции) сказал, что наши души переходят из одного тела в другое, хотя не совсем ясно, это ли значат его слова и слова Платона в Тимеее; но повернем слова двух великих философов в такую сторону, что ни наши души, ни нрав не меняются с тех пор, как возникли, ни тела различных грубых животных: ибо на самом деле, как каждое искусство использует свои собственные инструменты, и другое искусство их применить не может, так каждой душе и каждой форме нужен, чтобы действовать, собственный материал и собственное и подходящее его распределение; очевиднейший знак здесь такой, что при разрушении того, что названо материалом, форма не остается той же, но рождается другая, с другими действиями.

Двадцать первое: над сказанной клеткой расположен сад с очень красиво устроенными частями, с фонтаном наверху, с двумя колоннами из порфира, которые поддерживают крышу купола; так и над этим миром, в котором обитают люди и добродетельные, и без добродетели, и порочные, есть небо эмпирей, разделенных на части красивыми сонмами ангельских духов и блаженных душ, где источник всякой добродетели и красоты, а равно и всякое иное благо. Две колонны, которые стоят вокруг этого источника, суть божественное правосудие в наказании виновных и божественное милосердие в награждении верных. Это тот Рай, о котором в своих изумительных речениях возвещал Зороастр, говоря: «Ищи Рая». И в другом месте: «Не забудь вернуться туда, откуда пришел»; то есть к Богу с последованием хороших дел и милосердия, без коих не входят в вечное блаженство, хотя и не без исключений: ибо на всеобщем суде у великого судии Иисуса Христа будет сказано обо всем, что и как было сделано здесь без всякой пользы для других, и паче о причиненном им ущербе. Итак, со рвением изучай способы приносить пользу.

Двадцать второе: с другой стороны (также располагаясь ниже), там, где прачка, на пути к дворцу есть в земле саламандра размером в восемь локтей, извергающая воду в болото, где крестьянин рубит камыши, и в сказанном болоте множество разных растений и трав. Все эти творения с большим основанием означают здесь порочных, кои разрушаются внизу, в конце концов уходя в Ад; и других, в обличье саламандры, кои совсем холодны и не чувствуют огня милосердия, которое благоденствует среди достойных, согретых божественным огнем любви; другие же словно крестьяне, в том отношении, что не соблюдают порядка в своих действиях, и в том, что чувства их самым слабым и бранным способом связаны

с их обязанностями, кои являются теплым огнем добрых дел. Все это растения глупые и бесплодные, как и те места, болотистые и слишком низменные.

Двадцать третье: есть там еще канал, нужный для пополнения воды в фонтанах, в котором рыбы всевозможных видов. И вновь (дабы применить философию к некоторым вещам и из этого извлечь некую истину) можно сказать, что этот канал есть не что иное, как то море и тот большой поток людей, кои мало живут, и все смертны; и смерть которых должна нам напомнить, что и мы смертны, и что не лишне применять рассудок к делам нашим, к тому же смотреть, будут они причастны милосердию или нет. Ибо будем либо награждены вечным блаженством, либо обречены на вечное наказание. Блаженны, блаженны мы, если хоть раз захотели подумать о стремительном беге нашей жизни и мысленно вошли в Ад, Чистилище и Рай: и те, для кого готовы самые лютые муки, и тьма крошечная, и свирепость и жестокость дьяволов, да воздержатся от зла и от того, чтобы наносить ущерб другому и душам нашим, и от оскорбления божественного величия. И подобно этому, познав благую часть, благородство места и благовеление ангельских духов и Царя вселенной, мы будем действовать во благо и по-христиански. На этот пример Данте, великолепнейший поэт, философ и богослов, представил нам в великой своей Комедии Ад, Чистилище и Рай настолько сообразно истине, насколько это сделано в божественном писании и насколько это соответствует божественному правосудию, кое столь великий ум способен был постичь и передать пером.

Двадцать четвертое: около сказанных фонтанов и мест, низких и полных воды, есть грот, в нем же Купидон из бронзы, который посредством изобретательного приема порой поворачивается кругом и из своего факела изливает обильную воду туда и сюда. Сей грот полон обманов (*questa grotta è tutta inganni*), и поэтому тот, кто входит внутрь, не замечая этого, оказывается мокрым, стоит он или сидит.

Все это можно так понять, что все, кто приходит ко двору любви, стремясь к ней плотски и телесно, входят в место, полное обманов, и поэтому тот, кто намеревался жить с этим владыкой в радости, живет в бесконечных неудобствах и мучениях; там и те, кто верит, что высший вид блага состоит в наслаждении земными красотоми, и что они вечны; и те, кто верит в достижение славы, и человек этот становится притчей во языцех. Но блаженны, блаженны мы, если любовь наша возвышается до изначального добра и красоты и не останавливается на том, что внизу!

Это искусство, которое столь дорого и ценно для мудрейшего Сократа, наделенного благородством: и оно состоит в подчинении тварной красоты тому, чтобы подняться к красоте изначальной и невидимой. Иная Венера у невеж и глупцов; а эта небесная для мудрецов и праведных. Любовь к этой делает нас, в течение жизни нашей, обладателями сладчайших поцелуев

переживаний надежды; и потом в тех местах воздаяние будет тем больше, ибо оно дарует неопишуемые и великолепные наслаждения навеки.

Наконец, кроме множества чудесных произведений, уже описанных и объясненных, в прекрасном и царственном Пратолино можно встретить еще крестьянина, который опорожняет бочку, полную воды, и сатира, который доит овцу или козу и так извлекает воду. Крестьянин, который черпывает воду из бочки, может означать нашу грубую природу, и черпает вначале от каждой добродетели. Сей, будучи должен получить ценную влагу добродетели, и в особенности религиозного почтения, должен вначале омыть свою душу и очистить ее от страстей; и как крестьянин сначала отмывает и вычищает скверный вкус и запах из сосуда, в который он хочет налить хорошую винную влагу, так и человек, во всем, что в нем представляет разумную часть, есть человек, во всем, что в нем еще животное, ведет себя скотски. И, желая хотя изгнать преступное и делать доброе, он должен выжать животную свою часть и стеснить ее, чтобы получить добрые плоды. У добродетели (для высокого ума предназначено то, что я говорю) есть три или воистине четыре уровня бытия. Первый состоит в воздержанности, которая действует добродетельно, но с большим сопротивлением со стороны чувственных страстей, и называется умеренностью. Второй, более совершенный, когда обыкновение действовать во благо приобретено вполне, позволяя действовать при небольшом сопротивлении страстей, или вовсе без него; наоборот, он действует с удовольствием, как это делают умеренные, сильные и милостивые; и как говорят в отношении других, обладающих полнотой моральных и гражданских добродетелей. Третий их превосходит и называется героической добродетелью, посредством которой те немногие, кто обладает пылкой любовью к власти, всеми желаемой, действуют хорошо и добродетельно. На четвертом же и высшем уровне каждая добрая мысль, каждое доброе слово и каждое доброе действие, сверх того, завершается в Боге, дабы ему угодить и на него походить. Отсюда можно извлечь основания для того, чтобы воистину молвить о некоторых людях, что они трижды и четырежды блаженны¹.

Перевод с итальянского и публикация Б.М. Соколова

Примечание

¹ *Vieri F., de. Discorsi delle Meravigliose Opere di Pratolino, et d'Amore. Firenze, 1587. P. 145–151.*